

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПРИСТУП

ЖАДНОСТИ

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Приступ жадности / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-171466-6

На Черноморском побережье найден мертвым президент букмекерской конторы, помогавшей получать серьезные выигрыши очень важным людям. Полковники МВД Гуров и Крячко подозревают, что это убийство с целью захвата бизнеса. Однако конкурирующая фирма, занявшая место на рынке, и ее руководитель вскоре тоже оказываются под ударом. Очевидно, кто-то сводит счеты с нечистыми на руку дельцами. Но кому выгодна смерть привилегированных букмекеров? Чтобы ответить на этот вопрос, Лев Гуров сам на время становится азартным игроком, подставляя себя под удар невидимого противника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171466-6

© Макеев А.В., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Около 15 лет тому назад, Забайкалье

Ближе к ночи в зимней тайге разыгралась настоящая буря: по чернильно-черному небу летели рваные серые облака; сосны, как руки из преисподней, тянулись к бледной подслеповатой луне; ведьмак-ветер с воем и свистом бил их по лапам. Прислушиваясь к его руладам, голодная волчица невольно подтягивала ветру, за ней начало подвывать все семейство — волк и трое сыновей. Вот уже неделю, как им удавалось как следует поесть, но теперь буря, холод, мрак, дичь попряталась, и в животах волчьих пусто, как никогда.

Внезапно волк поднял голову, волчица навострила уши. Сквозь завывание и свист ветра она отчетливо различила особые, ни с чем не сравнимые звуки: хруст снега под валенками, запаленное дыхание, ноздри уловили опасный для нее запах дыма и металла. В другое время надо было бы немедленно уйти с пути человека, но голод не тетка, молодые волки жаждут крови, а тут мясо само добровольно идет в пасть.

Волчица невольно облизнулась. Волк ткнул ее в бок носом, требуя двигаться вперед. И се-

рая вереница двинулась по сугробам туда, откуда доносилось надтреснутое, в нос, завывание:

— Шилка и Нерчинск не страшны теперь, Горная стража меня не поймала!

На последней руладе взвыла сирена, такой гул покатился над тайгой, что на секунду ветер стих. Волки тут же притаились, вжавшись в снег, наострив уши.

За поредевшим от вырубок лесом, за бетонной оградой, колючей проволокой, за воротами с табличкой «Нерчинская ИК № 12» металась, голосила чья-то беда... Или счастье.

Ветер, точно издеваясь, раздувал пожар все сильнее и сильнее, еще мгновение — и он перекинется на соседний барак.

— Быстро, что там? — пытаюсь перекрычать завывающих собак, надрывался дежурный офицер.

— Котел, котел рванул! Все в лоскуты!

— Скорее шланги, разворачивайте, сейчас на барак перейдет! Всех, всех на улицу, на улицу! Ах ты...

Проверенное заклинание сработало. Охранники перестали бестолково прыгать в темноте, как дикари вокруг ритуального костра, похватили багры, моментом выгнали заключенных из соседнего барака. Потасили шланг, дежурный сгоряча ухватился за раскаленный докрасна кран, повернул, пустил воду — и лишь потом понял, что прожег кожу чуть ли не до кости.

Пошла вода, и тугая благодатная струя ударила по адскому пламени.

Разбуженные воспитанники столпились в стороне, продирая сонные глаза, сплевывая сквозь редкие зубы. Один закурил, получил по затылку от дежурного, как раз обожженной рукой, — и тайгу сотряс очередной крик, на этот раз матерный. Фельдшер, отловив, наконец, карающую офицерскую длань, поливал ее ледяной водой из чайника, которая так и норовила замерзнуть на лету.

— Померзнем все, как собаки.

— Ничего, резервный котел запустим, соляра еще есть.

— И какая сволочь за давлением не уследила?

— А мы сейчас увидим, — философски заметил фельдшер.

— Чего там видеть-то, — подал голос курильщик, — Серега Масик виноват, конечно, царствие ему небесное.

Дежурный выкатил глаза:

— Ты это... Чего?!

— Ну а я чего? — привычно огрызнулся тот. — Мацук, Сергей. Он сегодня до полуночи должен был следить за котлом, потом я. Я — вот он, а он — вон там.

— А ну встать на перекличку! Где старший?

— Гражданин начальник, ну что зря считаться, все равно тут пеной надо, — подал голос юный зэк.

— Цыц! Хватайте лопаты, окапывайте, сейчас на бараки перекинется — вообще землянки рыть заставлю.

— Правов не имеете, — вякнул кто-то из толпы, но времени разбираться не было. Пацаны принялись окапывать возгорание по границе, а там и пожарная машина подъехала, и «батя» появился, директор колонии, и с ходу начал излагать, указывать на недопустимость халатного отношения к работе. Дежурный лишь автоматически кивал, а сам все пытался рассмотреть в полутьме лица воспитанников. Фельдшер тихо сказал:

— Пал Палыч, а ведь Мацука-то в самом деле нет.

— Кранты́, — тоскливо произнес дежурный, — рассказывай теперь, почему несовершеннолетний оказался в котельной.

Разговор дежурному предстоял тяжелый и безрадостный, хотя, по справедливости, он не был виноват. После того как в очередной раз задержали получку, половина obsługi устроила бунт с побегом, в том числе и истопники. Один остался старикан-старовер, который от попов никонианских тут со времен Петра Первого прятался. Да и идти ему было некуда. Зима в разгаре, минус сорок в среднем, а топить-то кто будет? Некому. Что было делать — ответ ясен. Взрослые и пацаны из числа лиц, не склонных к побегу, по очереди дежурили в котельной. Тут уж не до

допусков и удостоверений, да и воспитанники при деле. И надо же, как благое дело обернулось.

Часа три спустя одолели-таки огонь, пламя забили, затоптали, завалили черным снегом и долго еще поливали водой и пеной. То, что осталось от котельной, выглядело как белорусская деревня в 1941-м: черный остов и посреди него труба.

«Батя» потребовал немедленно разгрести пепелище, и даже при неторопливой имитации работы они очень скоро наткнулись на нечто маленькое, черное, завернутое в обугленное ватное тряпье.

— Ну вот, — глупо сказал курильщик, сглотнул и отвернулся.

Фельдшер пошевелил палкой:

— Пал Палыч, вот и Мацук. Цацка точно его.

Занималась красная заря, в ее свете среди угольев и пепла блеснул маленький крест.

— Кто это? — спросил подошедший «батя».

— Сергей Мацук, сто шестьдесят первая.

— А, грабитель этот. Жаль. На УДО ведь шел. Хороший ведь парень, непьющий, некурящий. Родные-то есть?

— Нет, сирота.

— А как же он за деда что-то говорил?

— Так это они с Варфоломеичем задружились, ну этот, старовер. Тот ему — «внучок», этот — «деда», что, оба одинокие.

— Ладно, ладно, с чего вообще взяли, что он? Переключку провели? Может, ноги сделал в суматохе.

— Куда там, под минус сорок, волки голодные вокруг. Надо совсем уж чокнутым быть.

— Рост его, — встрял курильщик, присматриваясь, — и крест тоже его. Без распятия.

— И все прочие воспитанники в наличии, ка- жись, — добавил дежурный, — кроме него вот.

Помолчали.

— Наверное, заснул, давление в системе скакнуло, ну и... того.

Снова помолчали.

— А ведь это я должен был дежурить, — тихо то ли произнес, то ли проскулил курильщик, — он грит: мол, я сам, поспи. — Он хлюпнул, сплюнул и отвернулся.

— Хватит нюни распускать. А вы по-быстрому схороните, что есть, и подайте рапорт, — подвел черту «батя».

...На рассвете волки настигли певуна. А он не особо-то и торопился: пер себе по тайге, как по бульвару, распевая про славное море, священный Байкал. Серые хищники приближались, сжимая кольцо, и лишь почуяв на себе волчий взгляд, человек остановился. Зыркнул воспаленным глазом в одну сторону, в другую — волчице показалось, что она смотрится в зеркало, такой же был взгляд, злобный, голодный и умный, — но человек не победил опретью, нет. Он сделал всего несколь-

ко шагов назад, неторопливо и даже осторожно влез на небольшой бугор. И замер на нем, спокойно глядя на зверей.

Он был невысок ростом, в нелепой огромной ушанке, в ватнике, из которого в разные стороны торчала начинка, и сам ватник был огромен, в него можно было таких двоих затолкать. Ничем особенным от него не пахло — ни порохом, ни металлом, ни чем другим осязаемым, — но почему-то опытной охотнице было не по себе. Как-то уж очень спокойно он стоял и даже с каким-то сочувствием смотрел, как его окружает голодная стая.

Но больно уж хотелось есть и соблазнительно пах этот кусок живой плоти. Стая атаковала молча, одновременно со всех сторон. Волчи зубы лязгнули вхолостую: добыча с неожиданной сноровкой птицей взлетела на низкую ветку, нависавшую над бугром, а потом, как белка, полезла все выше и выше — и вот уже сидит, покачиваясь на тонкой ветке, нахально вывалив на волчицу обметанный желтым, нечистый язык.

Один из молодых волков, озверев вконец, прыгнул за человеком, взвился свечкой — и в этот момент снег под ним провалился, раздался отчаянный визг, а из-под земли полезла с ревом огромная, бурая, страшная, с зияющей кроваво-красной пастью медведица.

Волки кинулись врассыпную по глубокому снегу, а медведица, прорывав им вслед,

скользнула подслеповатыми глазами по человеку, что сидел на ветке над головой, и пошла прочь.

Человек же остался на дереве, лишь спустился чуть ниже — по его подсчетам, ветка под его даже невеликим весом должна треснуть от холода максимум через пять минут. Устроившись на более толстой и надежной ветке, он стал ждать. Это было самое привычное его занятие.

Прошло несколько часов. Человек тихо слез с дерева, прислушался, принялся — и отправился на далекий, едва слышный шум трассы, напевая теперь уже о том, что в дебрях не тронул прожорливый зверь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 ЖЕРТВА СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Станислав Крячко, покусывая карандаш, спросил друга:

— Шесть или девять?

Лев Иванович Гуров немедленно ответил, прямо и по-мужски:

— Шесть пятнадцать.

Стас посмотрел озадаченно сначала в буклет, который держал в руке, потом на коллегу:

— Надо целое число. И потом, почему шесть пятнадцать, не шестнадцать, восемнадцать и так далее?

— Потому что ровно в шесть я встаю и уожу, — объяснил Гуров, довольно потягиваясь. — Да, именно так. Пятнадцать минут на то, чтобы кивнуть всем на прощание, сесть в машину — и отбыть в теплые края.

— Куда? — требовательно спросил Станислав.

— Понятия не имею. Куда глаза глядят. Буду ехать, потом остановлюсь где-нибудь, стану купаться и ловить рыбу.

— На МКАДе пробки, — мстительно заметил Крячко.

— Ничего. Я ждать умею, — парировал тот.

Стас хмыкнул и вернулся к изучению своего глянцевого буклета, который своим видом диссонировал с официальной обстановкой кабинета. Потом полковник Крячко решился, пробормотал: «Пусть будет все-таки девять», и черкнул по буклету карандашом.

Лев Гуров скривился, как от кислого яблока. Не надо быть Спинозой, чтобы понять: старый друг все еще мается дурью.

Всего шесть месяцев назад, когда с восточных фронтов доносились пугающие сводки о коронавирусе, казалось, что все это выдумки. Не более чем очередная птичья болезнь, к тому же где Китай и где мы. Выяснилось, что до Поднебесной рукой подать и что реальные вирусы в современном мире распространяются так же быстро, как виртуальные, и люди умирают по-настоящему. Ну а те, кто выживает, сходят с ума — причем тоже вполне осязаемо.

Не раз и не два Гуров, — конечно, про себя и очень осторожно, — порадовался тому, что любимая жена застряла на съемках в Камбодже. Конечно, не одна Мария — вся съемочная бригада, включая продюсеров, режиссеров и других служащих, — вся творческая интеллигенция в полном составе заперта в торгпредстве и ждет не дождется попутного борта на родину. За Марию можно не беспокоиться, она женщина самодостаточная и к истерикам не

склонная, а остальные сидят небось в изоляции, выпивают и играют в карты.

И что интересно — не они одни! Но ведь и на родине дела не лучше. Этот вирус обособился и в головах.

Гуров, хотя и любил жену до безумия, прекрасно понимал, как ему повезло: квартира пустая, никто не слоняется из угла в угол от вынужденного безделья. В отделе все тихомирно, как работали, так и работают, даже, пожалуй, затишье. А вот в городе по-прежнему: бытовухи, разборки, спонтанные, глупые преступления — те самые, которые «просто так» случаются, из-за косога взгляда, отдавленной ноги, не вынесенного вовремя мусора.

А Стасу труднее, у него-то вся семья в полном составе. Ну, поел неделю Наташиных пирогов с мясом, ну, вторую. Какой тут домашний уют, когда у жены тихие истерики по поводу того, что все пропало и все помрут? Она же на нервной почве начинает выдавать продукцию, как пирожковая фабрика, а не будешь есть — крышка и скандал.

Станислав стремительно набирал вес и терял настроение. Сначала попытался переехать на работу, в родной кабинет, ссылаясь на запарку, — вычислила супруга его хитрый замысел (а как же иначе, столько лет замужем за опером). Потом попытался отпроситься в отпуск — в кадрах сказали: забыть, отгулял уже.

Стас пребывал во вполне осознанном отчаянии, а тут еще появились эти двое, как джинны из бутылки.

— Вот вам, господа офицеры, стажеры, мои протеже. Прошу любить и жаловать, — помнится, сказала Верочка, кивая изящной головкой на двух молодых щеголей.

— Не могу, — буркнул Крячко, — женат.

Верочка не оценила плоскую шутку:

— Товарищ Хортов Александр Александрович, — поклонился один, высокий брюнет, — и товарищ Мартынов Станислав Феликсович, — поклонился рыжеватый крепыш с пухлыми щеками и немедленно вручил визитку с его Ф.И.О. и подписью «ПравоведЪ».

— Тетка, значит, — подобрел Крячко.

Гуров кисло улыбнулся. Со стажерами у него не ладилось, он не ощущал таланта к педагогике. Впрочем, эти двое оказались детьми самостоятельными и сами себя работой вполне обеспечивали, а в перерывах тихонько сидели в айфонах.

Несколько беспокоил Хортов. Во-первых, был он настоящий мажор из семьи мажоров, носил серебряные запонки с мелкими брильянтами, часы «Тиссо» и красивый перстень. Во-вторых, мальчик шел на красный диплом и был свято уверен в том, что преступления можно раскрывать а-ля дедушка Шерлок, не выходя из уютного кабинета,

основываясь на логике формальной, в особо сложных случаях, так и быть, диалектической. В этой связи торчал в аналитическом отделе, порождая в тамошних тетушках давно забытые инстинкты. А то как же: аристократ, умница, ресницы, как у коровы, бархатный басок, длинные музыкальные пальцы, запонки и всегда чистый воротничок рубашки. Да, еще и шоколадки носит.

Правда, работает, молчит, копается в бумагах и думает.

Мартынов, напротив, был человеком деятельным и коммуникабельным, очень быстро перезнакомился со всеми, разузнал и разунюхал все, что требуется, подружился, с кем надо и с кем хотел. Его рыжая шевелюра пу-скала зайчики в самых необычных местах, его визитки начали попадаться на глаза чаще служебных удостоверений, и телефон, казалось, знали уже все, кому он требовался и кому нет. «В аппарате ему точно было делать нечего, — думал Гуров, не без удовольствия наблюдая за парнем, — на оперативную работу, пахать и пахать».

К тому же он был цепкий, как репей. Мартынов очень скоро достал и своего тезку, допекая его вопросами, втягивая в дискуссии. Однако берега видел четко: в тот самый момент, когда Стас-старший уже был готов приступить к оскорблению действием, Стас-младший замолкал и широко улыбался.

Не за горами был вождеденный день, когда парни должны были очистить помещение и перестать занимать площадь, нужную старшим товарищам для более важных целей.

Но они таки успели напакостить.

У этих очень разных людей было общее одно: они, как оказалось, были заядлыми спортсменами. Они досконально разбирались абсолютно во всех правилах и регламентах всех дисциплин, всех звезд, ключевых игроков и претендентов и, казалось, знали типы грунтов на ведущих кортах и футбольных полях. Это при всем том, что они в жизни не дотрагивались ни до мяча, ни до клюшки, ни до какого иного спортивного инвентаря. Гуров серьезно подозревал, что они и на стадионе-то никогда не были. По крайней мере, москвич Хортов и понятия не имел, где находится спортивная арена «Динамо» и почему «ЦСКА» зовутся конями. Им в принципе были неинтересны такие мелочи, как традиции, символы, история клубов, мало что говорили громкие имена великих тренеров прошлого.

Их интересовал лишь результат. Они делали ставки.

Когда наступал ключевой день какого-нибудь спортивного события, Крячко мог свободно дышать: парни сидели в айфонах и болели. Гурова это устраивало. Всегда приятно находить молодых коллег на одних и тех же местах. Худо было то, что они, как правило,

выигрывали, ведь этот пижон Хортов оказался в самом деле мощным аналитиком.

— Так, дети, — строго сказал Крячко, — хватит пинать вола, дуйте в архив. Там на оцифровку люди нужны, а вам как раз делать нечего.

— Ну сейчас, минутку, Станислав Васильевич! — взмолился Мартынов, совсем по-детски, не отрываясь от айфона, а Хортов сидел молча, лишь загибал белые, как у институтки, пальцы: «Пятнадцать, четырнадцать, тринадцать...»

— Шаман! — с удивлением и обидой крикнул Мартынов. — Все! Ухожу в дворники!

Хортов позволил себе снисходительно улыбнуться (Гуров давно заметил, что он строит из себя эдакую сверхличность):

— Ничего удивительного. На этом грунте он всегда поскользывается на двенадцатой минуте третьего сета, а у Волгина как раз на земле статистика лучше.

— А что стряслось-то? — поинтересовался Станислав.

В этот момент генерал Орлов потребовал Гурова к себе, и окончание этой роковой сцены он своими глазами не видел.

Последствия же были налицо.

Здравомыслящий Крячко заиграл. Он уверял, что всего-то сделал ставку-другую и может завязать, когда угодно, — возможно, все дело и ограничилось именно парой раз. Тем

более что Наталья вряд ли оставляла ему денежные излишки. Но, как оказалось, отсутствие средств не мешало предаваться пагубным страстям. Во-первых, благодаря каким-то народным рецептам можно было ставить и бесплатно. Во-вторых, несколько раз Гуров замечал, как Мартынов, как рыжий бес-искуситель, крутится вокруг своего тезки, подсовывая ему под локоток какие-то подозрительно глянцевого буклеты, карточки и прочую полиграфию. А Стас Васильевич каждую свободную минуту теперь сидел в телефоне, отзываясь на обращения междометиями и нечленораздельными возгласами. Иногда — весьма редко — он с таинственным видом удалялся в ближайший супермаркет и возвращался с презентами.

— Верочка, прогнило что-то в Датском королевстве, — заметил Гуров, — надо прямо-таки спасать человека. Ты же понимаешь, все тресты лопаются изнутри. И управления.

Секретарь шефа улыбнулась, изогнув тонкие губки.

— И Главные управления, Вера! — добавил Лев Иванович.

— Лев Иванович, вы, как всегда, все преувеличиваете. Сейчас все на этих ставках поигрывают, я вас уверяю. Все события переместились в Интернет, людей тоже можно понять. Я вот тоже, к примеру, в театре сто лет не была, смотрю видеотрансляции.